

ОГЛАВЛЕНИЕ

О «византийской кунсткамере»	5
От переводчика	7
От создателей интернет-платформы «Страдающее Средневековье»	9
Предисловие от автора	11
Глава I. Брак и семья	15
Глава II. Неортодоксальный секс	29
Глава III. Животные	46
Глава IV. Еда и трапеза	59
Глава V. Евнухи	72
Глава VI. Медицина	85
Глава VII. Наука и техника	96
Глава VIII. Война — любыми средствами	112
Глава IX. Заповедник святых	128
Глава X. Ереси и скандалы	138
Глава XI. Галерея негодяев	150

Глава XII. Изобретательные оскорбления	160
Глава XIII. Наказания	164
Глава XIV. Чужие земли и люди (330–641)	180
Глава xv. Иностранцы и стереотипы (641–1453)	192
Глава XVI. Латиняне, франки и немцы	207
Глава XVII. Катаклизмы — в основном по божьей воле	220
Глава XVIII. Императоры	232
Словарик	247
Источники иллюстраций	254

О «ВИЗАНТИЙСКОЙ КУНСТКАМЕРЕ»

Рассказывая о предпочтениях своего Онегина, Пушкин замечает: «Но дней минувших анекдоты / от Ромула до наших дней / хранил он в памяти своей».

В современном языке анекдотом именуется смешной и очень короткий устный рассказ; его протагонистом может иногда выступать псевдореальный персонаж («Василь Иванович», «Брежнев»), но он имеет к своему историческому прототипу лишь косвенное отношение. Такой облик анекдот принял в XX веке, а раньше это был — да, забавный, да, короткий — но рассказ, претендующий на правдивость и повествующий о реальной исторической фигуре. Именно такими анекдотами увлекался Онегин.

Своим возникновением понятие «анекдот» обязан Византии, а вернее — ее восприятию потомками. *Ἀνέκδοτα* (буквально — «неизданное») — это авторское заглавие памфлета, написанного «в стол» Прокопием Кесарийским, Юстиниановым придворным историографом. Подпольный пасквиль целиком состоит из злобных и скандальных слухов и сплетен об императоре, а рассказы об императрице Феодоре изобилуют столь порнографическими подробностями, что советский переводчик, публикуя русскую версию произведения, вынужден был опустить некоторые пассажи, снабдив их лицемерным примечанием: «Далее идет не имеющее научного значения и трудночитаемое место».

В XVII веке, когда *Ἀνέκδοτα* (получившее издательское название «Тайная история») было впервые опубликовано, многие не поверили, что такую сенсационную чепуху мог написать серьезный историк Прокопий. В процессе той дискуссии об авторстве слово «анекдот» и стало нарицательным.

Энтони Калделлис — тоже серьезный историк, профессор штатного университета Огайо в городе Коламбус (США). Его перу принадлежат одиннадцать книг по византийской истории (его

«Византийская республика» переведена на русский язык). Двенадцатая книга — перед вами. Она совершенно непохожа на остальные: автор будто специально провоцирует читателя, подсказывая в предисловии, что сподручнее всего перелистывать ее в сортире. Какую же цель преследовал Калделлис, нагромождая горы гривуазных анекдотов и экзотических фактов, ничем не связанных между собой, кроме общей занимательности?

Пожалуй, сверхзадачей автора было демистифицировать Византию, лишить ее ореола загадочной, ни на что не похожей цивилизации аскетов и святых, живших исключительно духовными интересами. Этот стереотип для Калделлиса выглядит ничуть не более привлекательным, чем противоположный — будто Византия вся состояла из садистов-императоров, обскурантов-епископов и интриганов-евнухов. Ромеи, подчеркивает автор, были просто люди, и ничто человеческое не было им чуждо.

Со многими аксиомами Энтони Калделлиса можно было бы поспорить, но в сегодняшней России, где Византию то и дело возносят на пьедестал в качестве православно-этангистской утопии, его книга тем не менее окажется весьма кстати: она способна не только развлечь читателя, но и отрезвить его.

*Сергей Иванов,
профессор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор исторических наук*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книга Энтони Калделлиса, несмотря на свой развлекательный характер, очень сложна для перевода сразу по нескольким причинам.

Во-первых, почти наполовину «Византийская кунсткамера» состоит из цитат, взятых из огромного количества различных по содержанию и стилю источников. Переводить их с английского языка было бессмысленно, так что пришлось отыскивать оригиналы текстов на древних языках и переводить уже с них. И хотя я старался сохранить общие авторские принципы работы с текстом источника, здесь даны самостоятельные переводы, следующие, прежде всего, лексике, фразеологии и стилистике оригинала. Поэтому пусть внимательный читатель не удивляется, что русский перевод в отдельных деталях может отличаться от английской версии книги, причем иногда даже значительно.

Во-вторых, русская традиция переводов средневековых текстов несколько отличается от англосаксонской, во многом из-за того, что русский литературный язык, как наследник церковнославянского, изначально лучше приспособлен к передаче византийских терминов и реалий (например, греческого игумена нет нужды называть аббатом). Соответственно, как в переводах, так и в пересказах источников, которые занимают также почти половину книги, терминология и даже стиль порой отличается от английского текста. В некоторых случаях для лучшего понимания текста восстановлены слова, пропущенные в английском переводе. Кроме того, согласно традициям отечественной науки, все греческие слова даются в оригинальном написании (вместо латинской транскрипции), а все стихотворные строки переведены соответствующими поэтическими размерами (элегическим дистихом, двенадцати- и пятнадцатисложником). В русском переводе книги также опущены те фразы и примечания, которые акту-

альны только для ее английского издания (ссылки на английские переводы и т.п.). Названия источников приведены в соответствие с русской традицией, и для удобства читателя сделаны небольшие дополнения справочного характера.

Наконец, как почти любой труд с цитатами и отсылками к сотням источников, английское издание «Византийской кунсткамеры» содержало некоторое количество опечаток, неточностей и ошибок. Сверяясь с изданиями оригинальных текстов, я постарался исправить все эти недочеты, за исключением тех пассажей, для которых мне не удалось найти источников и которые не смог вспомнить и сам профессор Калделлис в нашей переписке. Такие места отмечены специальными примечаниями, так же, как и мои существенные поправки.

В своем переводе я старался совмещать аромат стилистического разнообразия оригинальных текстов с тонким юмором, иронией и даже эпатажем Энтони Калделлиса. Следует также учитывать, что, если западный человек с детства знаком скорее с негативным образом Византии (см. Предисловие), то отечественному читателю она известна скорее с положительной стороны, как носительница высокой культуры и глубокой духовности. Поэтому многие пассажи в настоящей книге могут показаться ему грубыми, покоробить и даже оскорбить, однако следует помнить, что все они, включая непристойные выражения, взяты из подлинных византийских источников и показывают всю неоднозначность и многосторонность богатейшей византийской цивилизации.

*Андрей Виноградов,
российский историк-антиковед, археолог и переводчик,
исследователь Византии и раннего христианства.
Доктор филологических наук,
доцент Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики».*

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМЫ «СТРАДАЮЩЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

В игре Civilization V человек выбирает правителя и державу, которую предстоит привести к мировому господству. Поиграть можно и за императрицу Феодору, правительницу могущественной Византии. Основное свойство этой воображаемой Византии — сильная религия. Игрок может выбрать на один бонус больше, создавая собственный пантеон богов, а затем и полноценную монотеистическую религию.

Современные историки, конечно, схватятся за голову при мысли о таком линейном прогрессе и всей концепции игры. Но вот «Византия как религиозная империя» — для неспециалистов по ромеям вполне приемлемая и живучая концепция. Она подкрепляется великолепными останками (прежде всего в виде церквей и фресок в этих церквях) некогда блистательной державы. К византийской религиозности можно вспомнить, с каким трепетом и страстью императоры собирали в Константинополе многочисленные христианские реликвии. И как потом часть этих реликвий оказалась на территории Московского царства и даже служила идеологическим поискам первых Романовых. Что тоже способствовало созданию в России образа Византии исключительно как религиозной империи.

В мемах «Страдающего Средневековья» не так много византийщины. Кажется, это получилось не специально — мы не выбрали, что будем смеяться только над маргиналиями из, например, французских манускриптов, в то время как византийские рукописи останутся чем-то сакрально-неприкасаемым. Скорее всего, это просто связано с теми сайтами и аккаунтами, из которых мы берём средневековые картинки для шуток. Византия оказывается не так популярна, как «западное» Средневековье.

Поэтому нам особенно отрадно, что Византия, незаслуженно обделенная нашим юмористическим вниманием, наконец-то по-

лучает должную порцию славы благодаря книге Энтони Калдел-
лиса, профессора Университета штата Огайо. Надеемся, что «Ви-
зантийская кунсткамера» сломает привычные представления
о Византии. И окажется приятным чтением.

P. S.

Забыли! Еще одна отрадная и очень важная для нас деталь —
перевод этой книги сделал наш преподаватель Андрей Юрьевич
Виноградов. Для нас не существует специалиста, который разби-
рался бы в Византии лучше, чем он.

P. S. S.

Андрей Юрьевич, спасибо!

*Константин Мефтахудинов и Юрий Сапрыкин-младший,
выпускники истфака НИУ ВШЭ
и создатели «Страдающего Средневековья»*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

*Для тех, кто стремится выступить
или писать, эта книга будет бесполезна.*
(Фотий. Библиотека 167)

Византия достаточно таинственна сама по себе, но представление о ней у современной широкой публики не менее загадочно. Студенты-старшекурсники моего Университета Среднего Запада сотнями записываются на вводные курсы по ее истории и даже посещают специализированные лекции, чьи названия своей византийской тематикой должны бы заставить их держаться подальше. И все же они приходят. Почему? Двадцатилетние люди для меня более непонятны, чем византийцы, жившие тысячу лет назад. Если у этого студенческого интереса более глубокие корни, чем ориенталистские фантазии Assassin's Creed, то я не знаю, каковы они. В первый день занятий они часто не могут назвать ни одного византийского императора между Константином I и Константином XI (что, казалось бы, не так уж трудно, если вопрос сформулирован именно так). В более образованных кругах, включая наиболее влиятельные средства массовой информации, слово «византийский» по-прежнему используется в уничижительном смысле для обозначения неоправданно сложных систем, которые работают путем интриг, уклонения от ответственности, запутывания и предательства. Это словоупотребление проистекает из вековых западных предрассудков.

В период Средневековья на Западе некоторые военные предводители из германских племен начали воображать себя римскими императорами и решили, что византийцы на самом деле не римляне, как сами утверждают, а нечто гораздо худшее — «греки», женоподобные, трусливые и вероломные люди, которые едят вилками и любят читать и писать. Позже некоторые католики решили, что «греческая» Церковь непослушная и даже еретическая, неверующая и дружественная исламу. Градус риторики нарастал. Мистическая аура Византийской империи рассеялась, когда Константинополь был захвачен войсками IV Крестового похода в 1204

году, а затем снова турками в 1453 году. В XVIII веке мыслители эпохи Просвещения решили превратить эту давно погибшую цивилизацию в пример самого худшего общества, какое только можно себе представить: теократического, суеверного, управляемого евнухами и злыми монахами без малейших признаков гражданских добродетелей. Вольтер называл ее «никчемным собранием высокопарных фраз и описаний чудес», которая «позорит человеческий разум», а Гегель представлял как «тысячелетнюю полосу беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину». В XX веке некоторые политологи приписывали тоталитарные пороки и неэффективность Советского Союза его византийским истокам.

Движение за реабилитацию этой относительно безобидной цивилизации началось всерьез довольно поздно — только в прошлом поколении. И все же, несмотря на обнадеживающие заявления, что вся эта чепуха осталась в прошлом, на самом деле, она продолжает определять то, как говорят о Византии. Более того, непонятно, какой позитивный образ Византии пришел на ее место. Византийская литература остается в основном недоступной для широкой публики, несмотря на (или из-за) все возрастающее усложнение посвященных ей исследований. Византийское искусство остается очень притягательным, но часто преподносится таким способом, который лишь усиливает ориенталистский образ надмирной «спиритуалистической» цивилизации и потому по-прежнему обслуживает чаяния и потребности западного общества. Но как, помимо литературы и искусства, византийской истории и политике найти свой голос в современных дискуссиях и дебатах? Что говорит о себе Византия в наши дни?

Эта головоломка затрудняет определение того, что «странно» и «необычно» в Византии. По какому стандарту? Греция и Рим имеют слишком устоявшуюся и цельную репутацию, чтобы шутить над ними. Поэтому научный прорыв интересней осуществлять в византийском контексте, чем в греческом. Вопреки мистической, аскетической и «спиритуалистической» репутации Византии, во многих аспектах византийской жизни мы сталкива-

емся с непристойным, похабным, снисходительным и попустительским отношением к телу. Поэтому для этой книги был избран гибкий подход. Я включил в нее материал, который заставляет византийцев выглядеть странными и чуждыми, но также и материал, который подчеркивает такие их свойства, как реализм, прагматизм, изобретательность и рациональность. Они могли быть вульгарными, мирскими и остроумными людьми, даже когда речь шла о духовном. Они обладали удивительной способностью к описанию, любовью к парадоксам и глубокой человечностью, независимой от догмы.

«Византийская кунсткамера» — это, прежде всего, развлекательное произведение. Каждый элемент здесь самодостаточен, так что ее можно читать урывками. Мое самое большое желание — чтобы книга идеально подходила для чтения в уборной.

С другой стороны, я написал эту книгу как дань уважения тем византийским авторам, которые дарили мне столько удовольствия и интеллектуальных стимулов на протяжении десятилетий. Среди них был, например, монах-философ, признавшийся в письме к влюбленному другу, что «я тоже поддался чарам кареглазой девушки», а в другом месте, что «я увидел в церкви чудесно написанную икону и украл ее, спрятав под своим плащом». Я смею лишь надеяться, что такие византийцы оценили бы то, что я сделал здесь от их имени. В конце концов, их культура породила множество тематических антологий, парадоксографий и сборников назидательных историй и чудес, а также собраний цитат. Они могли бы признать эту книгу родственницей своих собственных. В конце концов, ведь это они создали почти весь материал, который в ней содержится.

Кроме развлечения, «Византийская кунсткамера» может дать любому, кто читает лекции о Византии, удобный источник историй и анекдотов, которые забавно иллюстрируют различные контексты и ситуации. Многие из них также отлично подходят для застольных бесед, хотя вы должны заранее тщательно оценить, насколько ваши собеседники терпимы к вульгарности. Некоторые анекдоты настолько темны или отобраны из столь различных текстов, что с таким багажом вы можете притворяться, будто знаете культуру гораздо глубже и шире, чем на самом деле. Так

что грабьте спокойно! Эту книгу могут использовать даже те, кто, на самом деле, не хочет ее читать: например, на нее можно написать рецензию.

Отдельные статьи в «Византийской кунсткамере» немного длиннее, чем в ее греческих и римских аналогах, и содержат больше коротких рассказов — формат, в котором византийцы достигли вершин. Во многих случаях я сократил или перефразировал тексты, чтобы усилить акцент на кульминационной точке или каком-то занятном аспекте. Библиография отсутствует: любой имеющий доступ к Интернету может найти полные ссылки на первоисточники, которые я цитирую, хотя несколько действительно малоизвестных я поместил в сноски. Для большинства текстов я даю конкретную дату, если она известна, а в иных случаях — приблизительную дату или годы правления соответствующего императора.

Некоторые из диковинок были добавлены к этому, сознательно или нет, толпой моих близких друзей-византинистов (они сами знают, о ком речь). Технологии позволяют нам поддерживать тесный контакт на больших расстояниях, а формат медиа способствовал развитию искусства посылать маленькие курьезы для развлечения друзей. Я особенно благодарен Наоми Питамбер за то, что она предложила некоторые изображения, использованные в этой книге. Но, прежде всего, эта книга обязана своим существованием и всеми своими достоинствами Стефану Вранке, который читал и перечитывал ее, отсеивал изначальный мусор и давал отличные советы по усовершенствованию конечного продукта. Заслуга в изобретении этого формата принадлежит Джиму Маккау, которого мне также посчастливилось иметь среди своих читателей. Я благодарю его, вместе с еще одним анонимным рецензентом, за их ценные предложения.

Глава I

БРАК И СЕМЬЯ

Развод

По закону мужчина может просить развода, если жена подвергла сомнению его мужскую честь, скажем, своей неверностью или аморальным поведением; причинила ему телесные увечья, покушаясь на его жизнь посредством магии или физического насилия; поставила под угрозу его попытки продолжения рода, например, своей неверностью или абортами. Он также мог потребовать развода, если жена была неспособна выполнять свои супружеские обязанности из-за неизлечимой болезни, к примеру безумия или проказы. Безумие иногда отличали от одержимости бесами, которая не составляла основания для развода (*Corpus iuris civilis*; Эклога; Василики).

* * *

Женщины могли требовать развода, если брак угрожает их целомудрию, например, из-за подстрекательства к занятию проституцией или обвинений в неверности, или их телесной неприкосновенности путем покушения на их жизнь посредством магии или физического насилия; или если муж не мог выполнять свои супружеские обязанности из-за болезни (опять же из-за безумия или проказы), был замешан в тяжких преступлениях, был импотентом более трех лет или отсутствовал более пяти лет, например находился в плену. Женщина также могла просить развода, если ее муж был убежден, что она ему изменяет, и настаивал на этом утверждении, даже обнаружив свою ошибку (*Corpus iuris civilis*; Эклога; Василики).

* * *

Неверность мужчины — не повод для развода, а закон от 449 года позволял женщине требовать его, если тот развратничал